

Пресса об Артуро Пересе-Реверте и «Последнем деле Холмса»

Перес-Реверте возвращается к детективному жанру, в котором уже добился блестящих успехов с «Фламандской доской» и «Клубом Дюма», разошедшимся тиражом 2,5 миллиона экземпляров по всему миру. «Последнее дело Холмса» — это, разумеется, детективный роман, но также исследование самой сути писательского труда.

El Periódico

Артуро Перес-Реверте вновь меняет регистр. После «Революции» — погружения в Мексику Панчо Вильи — и «Итальянца», действие которого происходит в 1940-е во время Второй мировой войны, он дарит нам новый роман, своевременный, неотразимый, умный и крайне увлекательный. «Последнее дело Холмса» — дань традиционным детективам, а также манифест детективного жанра. На этих страницах читатель с писателем ведут битву умов... Читатель хочет все большего — писатель не разочаровывает. Читатель применяет дедуктивный метод — писатель ведет его за руку или сбивает с пути. В «Последнем деле Холмса» нет ничего предсказуемого.

El Periódico de España

Блестящая, всеобъемлющая книга, написанная по всем законам жанра.

El Cultural

Идеальная книга, словно вырезанная скальпелем.

ABC

Для автора, как и для Томаса де Квинси, преступление — одно из изящных искусств. Перес-Реверте развлекается вовсю, и этот роман приносит нам массу радости и наводит на размышления — здесь найдется место и теории, и игре.

El Mundo

Очень личная трактовка персонажа, выдуманного Конан Дойлом, и его дедуктивного метода.

El País

Перес-Реверте — писатель, который поистине любит свою работу и бросает читателю вызов на каждой странице.

RTVE

Все романы Артуро Переса-Реверте взаимосвязаны и складываются в систему, которую классические авторы называли стилем, а современные — миром.

ABC Cultural

Перес-Реверте — живой классик, которого сравнивают с Александром Дюма и Жюлем Верном. Его мастерство рассказчика неизменно подкрепляется стоическим взглядом на бытие, трагическим смирением перед диктатом природы, торжеством игры и риска, которые и составляют человеческую жизнь.

El Cultural

Артуро Перес-Реверте ставит планку очень высоко и всякий раз умудряется не разочаровать.

El Imparcial

Перес-Реверте дарит нам радость от ловкой игры между вымыслом и историей.

The Times

Артуро Перес-Реверте знает, как удержать внимание читателя и заставить его сгорать от нетерпения, пока перелистывается страница.

The New York Times

Читая Переса-Реверте, умудряешься забывать дышать.

Corriere della Sera

Он не просто великолепный рассказчик. Он мастерски владеет разными жанрами.

El Mundo

Есть такой испанский писатель, сочинения которого подобны лучшим работам Спилберга, одобренным толикой Умберто Эко. Его зовут Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Элегантный стиль повествования сочетается у него с прекрасным владением словом. Перес-Реверте — писатель, у которого поистине следует учиться.

La Stampa

Перес-Реверте обладает дьявольским талантом и виртуозно отточенным мастерством.

Avant-Critique

Волшебство в том, как Артуро Перес-Реверте заставляет читателей вглядываться в глубины повествования, — он распахивает перед нами гобелен, сотканный из исторических фактов и ментальных координат прошлого. Это и вообще сложный трюк, но он граничит с виртуозностью, когда автор вдобавок преподносит нам жизненный и исторический урок под видом приключения, от которого невозможно оторваться.

Zenda

*Посвящается Каролине Реойо,
(почти) безупречной шерлоковедке,
Пьеру Леметру
и, разумеется, Бэзилу Рэтбоуну*

Как вам известно, Ватсон, нет никого, кто лучше меня изучил бы верхушку лондонского преступного мира.

Артур Конан Дойл. Последнее дело Холмса¹

¹ Здесь и далее перев. Л. Бриловой.

1

Человек, который никогда не жил и никогда не умирал

Ложь, Ватсон, самое что ни на есть наглое
и беспардонное вранье — вот с чем мы
столкнулись в этом доме прямо с порога!

Артур Конан Дойл. Долина страха¹

В июне 1960 года я отправился в Геную покупать шляпу. С тех времен, когда я снимался в Италии, осталось у меня это обыкновение — жить по несколько дней в гранд-отеле «Савойя» и покупать себе у «Люцианы» на виа Лукколи фетровую «борсалино» или панаму, смотря по сезону. Киносъемки давно уже отошли в область воспоминаний, но я еще сохранил кое-какие старые привычки, как и возможности платить за них; а от моего дома в Антибе до Генуи — с пересадкой в Вентимилье — всего четыре часа на поезде, и ровно столько времени нужно, чтобы прочесть последний роман моего друга Грэма Грина, который преподнес мне его с сердечной дарственной надписью. Покупка шляпы была прекрасным поводом провести в городе несколько дней, прогуляться по старому порту

¹ Здесь и далее перев. Л. Бриловой.

и поест пасты в моей любимой trattoria. В данном случае мой выбор пал на классическую панаму с полями шириной пять с половиной сантиметров, с красивой лентой табачного цвета; и вот спустя час, побывав в нескольких книжных магазинах, я уже вешал обновку на крючок в «У Вельеро», а потом, поболтав с хозяином, давним моим приятелем, наслаждался превосходными спагетти с моллюсками и тунцовой икрой. А когда, надевая шляпу, вышел на улицу, повстречал Пьетро Малербу. Столкнулся с ним, что называется, нос к носу.

— Ах, чтоб тебя, Хоппи! Вот неожиданность!

Я терпеть не могу, когда меня называют «Хоппи». Как правило, к этому склонны те, кто еще не забыл мои первые фильмы. И разумеется, еще жив. Не нравится мне и мое полное сценическое имя, под которым меня еще помнят: Хопалонг Бэзил — имя, признаю, благозвучное, хоть и низкопробное, придуманное моим театральным агентом, скончавшимся в 1935 году. Да, не нравится, хотя на протяжении четверти века его писали на киноафишах и в титрах фильмов крупнее, чем имена других исполнителей. Тем не менее мне всегда было неуютно с ним. Предпочитаю свое настоящее имя, которое значится на медной, до блеска начищенной (тщанием моей прислуги, мисс Колберт) табличке на дверях моего дома с видом на Средиземное море, — Ормонд Бэзил.

— Вот неожиданность! — повторил Малерба, радуясь встрече.

И, обняв меня, звучно похлопал по спине. Все очень по-южному и вполне в его духе. На самый что ни на

есть итальянский манер. Поскольку он немножко пережимал, я подумал, что моей былой славой хочет произвести впечатление на свою спутницу — зрелых лет, но еще привлекательную даму, лицо которой показалось мне очень знакомым.

— Это Хопалонг Бэзил, помнишь его? — спросил он ее, а потом метнул на меня мефистофельский взгляд из-под седых бровей. — Нахат Фарджалла ты, конечно, узнал.

В голосе его явно звучала гордость собственника. Мне нечего было возразить на это, а потому, неукоснительно исполняя ритуал, я снял шляпу и подошел к окольцованной ручке. Теперь уже поостыл восторг публики, некогда воздававшей ей едва ли не божеские почести, но красота этой знаменитой сопрано, пусть и подувядшая, все еще оставалась весьма действенной: большие темные глаза из-под шелкового тюбана; хорошо очерченный рот; нос без малейшего намека на семитский изгиб — это притом что дива была по происхождению ливанкой; соответствующий туалет — я где-то читал, что она одевается у своей миланской подруги Бики Буйёр¹, — хотя такое декольте в третьем часу пополудни показалось мне чрезмерным. Томные манеры и интонации дамы, привыкшей к восхищению и знающей себе цену.

— О, ну конечно, — сказала она. — Мистер Шерлок Холмс во плоти.

¹ *Бики Буйёр* (Эльвира Леонарди Буйер, 1906–1999) — известная итальянская модельер и кутюрье.

Я одарил ее учтивой улыбкой едва ли не сообщника — что же еще мне оставалось? Мы встречались не впервые: я познакомился с ней в Риме, а слышал ее в «Ла Скала», в партии Медеи, и сейчас заметил, что она, как и в прошлые разы, с интересом оглядела меня сверху донизу. Мне только что исполнилось шестьдесят пять лет, хребет стал уже не тот, что прежде: бремя прожитого немного пригнуло меня к земле, но все же бо́льшая часть того, что некогда снискало мне экранную популярность, оставалась при мне — сто восемьдесят семь сантиметров роста, плоский живот и сухое, четко вылепленное лицо. Сохранилась и кое-какая гибкость. Был бы жив Эррол — я имею в виду Эррола Флинна, само собой, — я бы смог еще нанести ему несколько разящих ударов наподобие тех, которые он получал от меня на репетициях эпизода на берегу в «Капитане пиратов»: бедняга всегда фехтовал из рук вон скверно, а мне это искусство давалось. В настоящем поединке я бы его заколол раз пять или шесть, как и Лесли Говарда в «Железной маске» и Тайрона Пауэра в «Испанской шпаге». Впрочем, довольно об этом. Давние дела.

И вот, значит, Пьетро Малерба, Нахат Фарджалла и я (в новой шляпе) стоим в старом порту Генуи, не ведая, что в этот самый миг область пониженного давления смещается к Восточному Средиземноморью и остановится между Кипром и Черным морем. Ветер силой в 9–10 баллов задует с Тарентского залива, что редко бывает в это время года, и обрушится на Ионическое море и на западный берег Греции с такой яростью, что на несколько дней парализует судоходство

вокруг Корфу — этот крупный остров, который греки называют Керкира, Малерба только что упомянул в связи со своей яхтой «Блюэтта».

— Валяй с нами, старина. Две недели солнца и полного расслабления. Есть один проектик, который может тебя заинтересовать, — совместное производство «Уорнер бразерс» и RAI¹. Для телевидения.

Звучало довольно заманчиво. После второстепенной роли русского аристократа в экранизации «Войны и мира» я уже пять лет не снимался, если не считать сериала «Айвенго» с Роджером Муром, хорошим актером и отличным парнем, где я сыграл почти что в эпизоде очередного элегантно мерзавца, — они, если не считать Шерлока Холмса, всегда были моим амплуа. Я бережлив и скромен в запросах. Грех жаловаться: обе мои бывшие супруги, слава богу, почили с миром. Одна спилась в своем имении в Пасифик-Палисейдс², где обосновалась после нашего развода, — пить мы стали почти одновременно, однако она оказалась резвей и пришла к финишу первой. Вторая всяма кстати погибла в автокатастрофе — сорвавшись с отвесной автострады в Вильфранше, пролетела полтора метра и исчезла внизу в столбе полыхнувшего бензина. Что касается всего прочего, то, хоть мой красивый дом в Антибе давно выкуплен, мне совсем не помешало бы отложить кое-чего под матрас на черный день, потому что на горизонте маячат уже близкая

¹ RAI (Radiotelevisione italiana, до 1954 года — Radio Audizioni Italiane) — итальянская государственная телерадиокомпания.

² Пасифик-Палисейдс — фешенебельный район Лос-Анджелеса.

старость, какая-нибудь очередная холодная война и прочая, и прочая. А Малерба был в ту пору весомой фигурой в «Чинечитта»¹, видным продюсером, продвигавшим в Европе крупные американские теле- и кинопроекты. И я, к его полному удовлетворению и заметному интересу дивы, продолжавшей строить мне глазки, ответил согласием. Остаток дня я посвятил покупкам нужных вещей, потом распорядился доставить мой багаж из отеля в порт, а ночь провел уже в роскошной каюте «Блюэтты».

И вот через неделю совершенно неожиданно оказался застигнут врасплох на маленьком островке Утакосе рядом с Корфу. Вернее, мы оказались там втроем. Пьетро Малерба, Нахат Фарджалла и я сошли на берег, чтобы пообедать в отеле «Ауслендер», славившемся своей кухней. С террасы было видно, как по морю побежали первые барашки — предвестники нежданного шторма, — а кипарисы под ветром стали гнуться и стонать, как грешные души в аду. Возвращаться на яхту не стоило, потому что прогноз обещал беспокойную ночь, и Малерба снял три номера: один — для сопрано, другой, смежный, — для себя (с женой, известной актрисой, он расстался, но в Италии разводов не признают, и, значит, надо было соблюдать декорум), а третий — для меня. Замысел был вернуться на яхту, как только стихнет шторм, но тот разбушевался с такой силой, что, когда наутро мы захотели покинуть отель, нам сообщили, что судоходство во всей этой зо-

¹ «Чинечитта» (ит. «Киногород») — итальянская киностудия, основанная в 1937 году в Риме, крупнейшая киностудия Европы.

не прекращено до улучшения погоды, а капитан «Блюэтты» вынужден был сняться с якоря и укрыться в бухте Корфу.

— Как все это волнительно, — говорила Фарджалла, опираясь на руку Малербы, но взмахивая ресницами в мою сторону. — Как в ваших фильмах.

Малерба с насмешливым благодушием сносил ее кокетство, потому что слишком хорошо знал меня. Я давно уже равнодушен к дивным дивам, имеющимся в распоряжении оперных див. Времена вольной охоты миновали, да и потом, я английский джентльмен старой школы: на территорию друга или приятеля не вторгаюсь, особенно если от него зависит или может зависеть работа. Дэвид Нивен, мой давний и любимый товарищ, с которым мы смастерили когда-то пару-тройку хороших картин, в том числе и прелестную ленту «Два кавалера и белокурая дама», где снялась Джинджер Роджерс, — любил повторять за рюмочкой: «Не стоит гадить на дорожку, по которой к тебе деньги идут». В высокобританских устах Дэйва эта истина звучит изящней, чем может показаться.

Однако по-настоящему в этой истории интересно лишь, что я — ну то есть мы: Малерба, Фарджалла и ваш покорный слуга — обнаружил, что плавание прервано и мы находимся на островке площадью чуть больше квадратного километра. И слабым утешением служит то, что в аналогичной ситуации оказались и другие постояльцы: одни — потому что не смогли воспользоваться паромом, который ходит от этого островка до Корфу и Патраса, другие — потому что и собирались продлить свое пребывание здесь. В итоге

собралось нас девять человек из разных стран. И все мы, постояльцы единственного отеля, застряли там по доброй воле или волей судьбы. Как в романах Агаты Кристи.

Даже в этих обстоятельствах Утакос был прекрасен — маленький райский сад с оливами, кедрами, кипарисами и бугенвиллеями; под развалинами старинного венецианского форта — мол-волнорез, лесистый холм с остатками античного храма на вершине, а во впадине подножья — отель «Ауслендер», защищенный почти от всех ветров, особняк XIX века, из окон которого каждое утро в невероятном свете зари открывались великолепные виды на побережье Албании и на гористый ландшафт Корфу. Даже ураган ни на йоту не уменьшил красоту этого пейзажа, потому что сильный норд-вест вызывал волнение на море, а небо оставлял без единого облачка, сияюще-синим и чистым.

И вот на второй день, в 12:05, почитав немного на террасе моего номера путевые заметки о Греции, оставленные Патриком Ли Фермором¹, я спустился в ресторан, и метрдотель Жерар проводил меня к тому же столику, где мы с Малербой и Нахат сидели накануне.

— Вы сегодня без ваших друзей, мистер Бэзил?

Без, ответил я. Дива обыкновенно поднималась поздно, а Малерба готовил для своего партнера Сэмюэла Бронстона контракт на съемки фильма с участием

¹ Сэр Патрик («Падди») Майкл Ли Фермор (1915–2011) — британский писатель, ученый, полиглот и военный, участник Критского сопротивления в период Второй мировой войны, один из крупнейших британских авторов романов о путешествиях.

Чарлтона Хестона и Софии Лорен, которые планировались в Испании¹. Итак, я был один и попросил меня. В нескольких шагах от меня и тоже в одиночестве сидел, склоняясь над тарелкой, коренастый низкорослый субъект левантийского вида, а за соседним столиком — средних лет супружеская пара, по наружности и по речи — швейцарцы, австрийцы или немцы. Что касается Жерара, то он был сухопар, элегантен и француз и со скромным достоинством носил черную пару и галстук-бабочку, подобающие его благородному ремеслу. У него была красивая седина, аристократический орлиный нос, а когда он улыбался, слева во рту под тонкими усиками вспыхивала искорка золотого зуба. Метрдотель был еще и недурным пианистом и накануне вечером после ужина уладил наш слух, побренчав в салоне на старом «Стейнвее».

— Рекомендую рыбу, мистер Бэзил, — сказал он услужливо.

— Что за рыба?

— Дорада. Нам ее доставили лишь позавчера. — Украдкой оглядев зал, он добавил, доверительно понизив голос: — Настоятельно рекомендую, потому что, пока погода не переменится, свежей рыбы у нас не будет.

— Ни слова больше! — кивнул я. — Оставьте за мной эту ускользящую рыбу.

¹ Сэмюэл Бронстон (1908–1994) — американский кинопродюсер, сильно повлиявший на развитие испанского кинематографа; за фильм «Эль Сид» («El Cid», 1961), который здесь имеется в виду, с Софи (Софией) Лорен и Чарлтоном Хестоном в главных ролях, был номинирован на «Золотой глобус».

— Прекрасный выбор, но я заранее прошу у вас прощения за возможные огрехи... Повариха и одна горничная вынуждены были остаться на Корфу, и кухней занимается лично мадам Ауслендер. Приготовить на гриле, разумеется?

— Да не важно... Можно и на гриле.

Он взглянул на меня с сомнением:

— Вино? «Гуменисса Бутари», к примеру?

— Нет, спасибо, не пью, — напомнил я.

Он выразил свое неодобрение чуть заметной гримаской и золотой искоркой во рту. По его невысказанному средиземноморскому мнению, есть рыбу без вина — это профанация. Но я, как говорится, слишком близко увидел волчьи уши и потому вот уже пять лет не употребляю крепких напитков. И слабых тоже. Никаких не употребляю.

— На десерт могу предложить пирожные с черной малиной. Очень ароматная, местный сорт.

— Учту. Спасибо.

Жерар отошел к другому столу. Если я чем-то горд по-настоящему и даже больше, чем орденом Британской империи, который ни разу не прикалывал к лацкану, — королева Елизавета в золотые годы девичества была моей пламенной поклонницей, — так это своим умением общаться с теми, кого называют «обслуживающий персонал». От молодых ногтей я усвоил, что именно они решают возникающие проблемы, а их добрая или злая воля зависит от того, какое мнение они составят о тебе. Обе войны, которые я повидал на сво-

ем долгом веку, — первая была беспокойней второй, потому что я провел ее во фламандской грязи вместе с Ронни Колманом, Гербертом Маршаллом¹ и еще кое с кем из старых друзей, — окончательно укрепили во мне убеждение, подтвержденное опытом кино: исход сражения и съемки решают не генералы, а сержанты, то бишь студийные осветители, плотники, гримеры — называю не всех.

Я наблюдал за Жераром, что не мешало мне заниматься закусками — черные маслины, свежий сыр, тушеный в вине осьминог: мадам Ауслендер была отличная стряпуха. Глаз радовался при виде того, с какой элегантною непринужденностью Жерар — серьезный, профессионально внимательный ко всему — переходит от столика к столику, откупоривает бутылки, зорко следит за действиями молодых официантов Эвангелии и Спираса.

Вот как раз в этот миг открылась стеклянная дверь из вестибюля, и в ресторан вошел представительный господин.

— О-о, господин Фоксá! — заметив его, воскликнул Жерар.

И, поблескивая золотым зубом, устремился ему навстречу через весь зал, подвел к столику неподалеку

¹ Британский, позже голливудский актер, обладатель чарующего голоса *Рональд Колман* (1891–1958), как и британский театральный, радио- и киноактер *Герберт Маршалл* (1890–1966), воевали в составе Лондонского шотландского полка; Колман в 1914 году участвовал в сражении при Мессине, где был ранен, после чего всю жизнь хромал, а Маршалл в результате ранения в битве при Аррасе в 1917 году потерял ногу.

от моего. Новоприбывший был хорош собой и не старше сорока. Вчера за ужином я издали видел его. Сейчас на нем были темно-синий блейзер, клетчатая рубашка без галстука и фланелевые брюки. Я разглядывал его, стараясь, чтобы это было незаметно, покуда приятный аромат рыбы не заставил меня повернуть голову. Официантка Эвангелия всегда двигалась бесшумно, как кошка.

— Ваша дорада, сэр.

— Ах да!.. Спасибо.

Некоторое время я сосредоточенно орудовал вилок и ножом — терпеть не могу лопаточку для рыбы, — наслаждаясь блюдом и стаканом холодной воды. Потом стал оглядывать других посетителей. Этим я и был занят, когда появилась еще одна дама, — ей было за тридцать, причем мыс Горн, откуда путь ведет к «под сорок», она уже обогнула; типичная туристка, каких то и дело заносит на греческие острова. Легкое платье на лямочках открывало загорелые плечи, широкополую соломенную шляпу с красной лентой она держала в руке. Очень светлая блондинка... красивые ноги... глаза не то серые, не то голубые — издали не разглядеть. Красавицей ее не назовешь, но для англичанки вполне хороша.

Она села за стол, к которому ее проводил заботливый Жерар, но при этом вела себя как-то нерешительно и оглядывалась по сторонам. Ее словно что-то беспокоило. Вот обменялась с официантом несколькими словами, которых я не расслышал, — он покачал головой. Вот снова принялась растерянно оглядываться,